Базовое значение личной собственности в контексте парадигмального видения сущности института собственности

Батурин В.С.
Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова,
(город Караганда, Республика Казахстан),

Оноприенко В.И.
Институт экономики РАН
(город Москва, Россия)

Анонс.

Доказывается, что именно личная собственность, как безусловная форма владения, является той исходной и основополагающей границей, которая может быть обозначена между «своим», как моновладением, и «чужим», как любым иным видом владения. При этом под «чужим» понимается все то, что находится именно за пределами данного моновладения. А это «чужое» может существовать в самых различных формах: иного моновладения, в таких видах любого поливладения, как государственное, любая разновидность коллективного владения, в том числе, если можно так выразиться, и такого его подвида, (вследствие того, что он является производным только от коллективного вида владения), каким является частная собственность. При этом особо подчеркивается, что понимание сущности частной формы владения объективно детерминировано самой логикой ее становления, а перспектива эффективности использования возможностей именно этой формы владения в социальной среде во многом зависит от того, насколько быстро это понимание будет освобождено от того извращенного гипертрофированного величия, которое ей давно и незаслуженно приписывается в силу различного рода обстоятельств. Обосновывается мысль о том, что частную форму собственности, как самостоятельно существующую в институте собственности именно только в качестве условного вида владения, и которую зачастую отождествляют с личной собственностью (т.е. безусловной форме моновладения), нет никакой необходимости специально искоренять и уничтожать.

Классификация JEL: A13

Мировой экономический кризис, с его масштабами системного влияния и глобальными размерами негативных последствий для всего мирового сообщества, обнажил целый комплекс поистине неведомых ранее проблем, лежащих, в первую очередь, непосредственно в сфере функционирования института собственности. И сегодня, как наглядно свидетельствует практика, на эффективность их решение вряд ли можно будет рассчитывать без должного теоретико-методологического переосмысления, в первую очередь, как природы и сущности самого этого важнейшего социального института, так и особенностей его становления и функционирования на разных этапах существования человеческого сообщества. Тем более, что при решении возникающих сегодня проблем ставка, как правило, зачастую делается только лишь на спонтанно предлагаемые антикризисные меры, реализуемые, как всегда, в пожарном порядке. Поэтому обращение столь пристального внимания на функционирующий в обществе институт собственности и на то место и ту роль, которую в нем на сегодня призвана играть именно личная форма собственности, представляет собой поистине не только чисто фундаментально-теоретическое, но и важное практико-прикладное значение. Ведь если в обществе, и конкретно в сфере экономики, происходят подобного рода глобальные кризисные катаклизмы, перед которыми оказывается бессильной даже мировая наука, то это в первую очередь следует отнести к несовершенству состояния именно самих тео-

ретических знаний о данной сфере. В равной мере это касается и тех базисных идей и принципов, критериев и понятий, которые составляют основу понимания сущности и самой экономики, и ее основополагающих социальных институтов. А ведь само это знание, в своей основе, еще совсем недавно считались практически незыблемым, а потому преподносилось и воспринималось мировым сообществом в качестве чуть ли не абсолютно безупречного эталона и надежнейшего ориентира при определении вектора развития всего цивилизованного мира.

Особую актуальность адекватный характер реакции на проблемы, связанные с кризисом, имеет для молодых суверенных государств, образовавшихся на постсоветском пространстве. Ведь с одной стороны, сам их переход к рынку и демократии был продиктован не столько потребностями и логикой их собственного внутреннего развития, сколько теми обстоятельствами, в которых они оказались после развала СССР, и требованиями тех правил, по которым до этого жил весь несоциалистический мир. При этом, заявив о своем намерении стать полноправными членами существующего цивилизационного пространства, все они избрали фактически один и тот же, далеко не безупречный по своей эффективности, вариант. Его суть свелась к простому заимствованию чужого опыта без должного его теоретико-методологического осмысления. На практике это всегда оборачивается тем, что страны, избравшие для себя подобный путь вхождения в существующее социальное окружение, уже заведомо обречены на роль ведомых, и посему обреченных действовать по примеру и подсказкам, поступающих со стороны этого окружения. Поэтому вполне естественно, что кризис, разразившийся в современном мире среди ведущих его стран, просто не мог автоматически не обрушиться и на них.

Однако, с другой стороны, ситуация, сложившаяся на сегодня в мире имеет одну весьма важную особенность. Суть ее сводится к тому, что кризис, своими масштабами и непредсказуемостью негативных последствий, значительно поставил под сомнение уже саму веру в безупречность той модели обустройства общества, в итоге соперничества с которой историческую арену был вынужден покинуть социализм. Одновременно с этим, он заставил усомниться и в далеко не безграничных возможностях рационального воздействия человека на те процессы, которые происходят в современном мире. Поэтому он поставил все человечество, а не только какую-то его отдельную часть, перед необходимостью объединения совместных усилий в борьбе, как с последствиями внезапно разразившегося кризиса, так и с предотвращением повторения событий подобного рода впредь.

Вследствие этого и у молодых суверенных государств, равно как и у других членов мирового сообщества, появился определенный шанс на то, чтобы внести свой, весомый по значимости вклад в разработку концептуального видения как причин, приведших к кризису, так и определении стратегии деятельности, в определенной мере застрахованной от проявлений подобного рода социальных потрясений в будущем. Однако существенной преградой на пути к этому, как не без основания считает, например, Н.А.Назарбаев, является то, «что мы по-прежнему смотрим на сегодняшний мир, как и на будущий Новый мир, сквозь оптику старых инструментов мышления. Но для начала радикального обновления нам надо обновить всё наше мышление. Соответственно, нужно обновить и все понятия, категории, теории, схемы, концепты мышления и термины, обозначающие факты и явления нового мира» (1).

Как отмечается в современной методологической литературе, в числе наиболее востребованных при разработке и разрешении стратегических проблем просматриваются два основных базовых подхода. «Первый, – по мнению О.С. Анисимова, – опирается на видение ситуации, а другой – на видение сущности бытия и корректного отношения к сути, к исторической реализации сути» (2, с.30).

Однако, как наглядно свидетельствуют итоги предпринимаемых мировым сообществом мер, направленных на преодоление мирового кризиса и его последствий, и напрямую связанных с реализацией идей о необходимости введения нового вида валюты, в равной мере, как и уже предпринимаемые практические меры многих стран, направленные, в первую очередь, на поддержку банковского сектора и т.д. – все это, в той или иной мере, опирает-

ся только на использование именно первого подхода. Ведь даже беглое знакомство с предлагаемым набором антикризисных идей позволяет сделать вывод, что сама постановка проблем и задач так называемого стратегического уровня представляет собой не что иное, как вынужденную реакцию именно на ту негативную ситуацию, которая складывается по мере развития кризиса. А сам набор предлагаемых практических мер не выходит за рамки логики так называемого «здравого смысла», когда ситуацию пытаются улучшить, оставляя при этом все породившие ее условия практически неизменным. И в первую очередь это относится к функционированию такого важнейшего социального института, каким является институт собственности. А ведь именно обращение к истории его формирования, равно как и выявление его сути в контексте различного парадигмального видения во многом позволяет в совершенно ином свете представить «видение сущности бытия», а вместе с тем и по-иному взглянуть на суть обозначенных выше проблем.

Весьма очевиден тот факт, что общество на сегодня находится на таком этапе своего эволюционного существования, когда материальные условия жизни человека являлись и продолжают являться определяющими при формировании всех остальных сфер его жизни. Поэтому вопрос о его свободе, равно как и о его правах, и условиях, достойных его подлинно человеческого существования, был и находится, в конечном итоге, в прямой зависимости от характера и объема имеющегося в его распоряжении собственности. При этом, как принято считать, «…собственность (property) означает формально признанное государственной властью право собственника или собственников как на исключительное, без чьего-либо участия, пользование своим имуществом, так и на любой способ распоряжения им, включая продажу» (3, с. 14).

Однако при этом, как в понимании природы возникновения собственности, этого уникального социального феномена, так и в трактовке сущности ее основных видов и форм, среди ученых до сих пор нет единого понимания. Наглядным тому подтверждением может служить существующий на сегодня разброс мнений: от пожелания в законодательном порядке «отказаться от политизированного понятия «частная собственность», до предложения «упразднить родовое понятие «собственность», а вместо него признать таковым (родовым) понятием «частная собственность» (4, с.88) .

Как известно из истории, именно античное время представляет собой арену не только утверждения на практике отношений собственности, но и представляет собой поучительный пример формирования объективного теоретического представления о сущности данного феномена вообще. Одновременно именно в это время формируется и взгляд на человека как на политическое существо в силу того, что он «причастен к государственной жизни», и, как следствие, он рассматривается в качестве хотя и особой, но все-таки – составной части государства.

Так, по мнению Аристотеля: «Природа государства стоит впереди природы семьи и индивида: необходимо, чтобы целое предшествовало своей части» (5, с.466). При этом, в условиях полисного (общественного) характера владения землей и рабами, наиболее рациональной и логичной формой распределения богатства полиса (как целого) между всеми его свободными гражданами (как составными частями этого целого) была вполне естественной именно **частная** форма ее распределения. Отсюда, и сами владельцы, в своем праве на обладание только частью общеполисной собственности, не могли, по сути, не являться **частниками**. И именно данный, частный характер их отношения к полисной собственности был закреплен таким социальным изобретением, как делегирование им со стороны полиса права владения, распоряжения и пользования этой, не принадлежащей им по существу, собственностью. А сам характер владения, распоряжения и пользования полисной собственностью являлся своеобразным набором тех непременных и обязательных условий, который не позволял им **из частников** превратиться в **единоличных** владельцев собственности, так и остававшейся во всей своей сути собственностью всего полиса.

По мере совершенствования всех сфер жизни полиса совершенствовался и процесс взаимоотношения между частными владельцами этой общеполисной собственности. При

этом сам характер экономических взаимоотношений между данными частными владельцами нашел свое закрепление и в соответствующей правовой форме, получившей в дальнейшем название как **частное право**. В целях удовлетворения нужд правовой практики в сфере защиты интересов, прежде всего частных собственников, появилось и само разделение права на такие его виды, как публичное и частное. Осуществлено оно было, как известно, в условиях существования Римской империи.

По существу, именно здесь частная собственность выступает в смысле противопоставления понятию государственной собственности, как одна из форм «не казенной» собственности вообще. И именно на этот период времени приходится становление особого типа экономических взаимоотношений на уровне частных собственников. Благодаря же созданию особой законодательно-правовой системы, стоящей на страже интересов отдельного частного собственника, и защищающей эти интересы от посягательства и проявления произвола со стороны всех других членов социума, включая и само государство, **создается** совершенно **новая**, соответствующая данному типу отношений **институционно-правовая база**. Ее главная особенность состоит в том, что она является прямым порождением (продуктом) социальной самоорганизации общества, основанной на господстве принципов **субъект-объектной парадигмы**. На практике это оборачивается тем, что только одной, и при этом, как правило, наименьшей части общества, выступающей в роли так называемого социального **субъекта**, в конечном итоге всегда удавалось (и удается по сей день) наличное окружение использовать как **объект** (или в качестве своеобразного **средства**) при достижении ею, прежде всего, своих собственных интересов, целей и желаний.

В последующем именно данная правовая система становится основой формирования института частной собственности, как особого социального образования. При этом так называемое частное владение в корне отличается от владения действительно личного характера. На что особо указывал в свое время Гегель. «Достаточно ясно, – особо подчеркивал он, – что только *личность* имеет право на *вещи*, и поэтому личное право есть по существу *вещное право*, если понимать вещь в ее общем смысле как внешнее по отношению к свободе, то внешнее, к которому относится также мое тело, моя жизнь. Это вещное право есть право *личности* как *таковой*. Что же касается так называемого *личного права* в римском праве, то человек может быть лицом, лишь обладая известным статусом (...); тем самым в римском праве даже сама личность, противопоставленная рабству, есть лишь *сословие, состояние*... Римское личное право есть поэтому во всяком случае не право лица как такового, а лишь право *особенного* лица...» (6, с.100).

Однако именно с этих пор римское право и стало непререкаемым авторитетом и неизменным эталоном (образцом) для подражания при формировании законодательной базы практически всех государств, признающих наличие частной собственности в данном ограниченном и усеченном ее понимании.

В отсутствии понимания коренного различия, существующего между **личной, как безусловной**, и **частной, как производной «сословной», «особенной»** (Гегель), **а потому и обусловленной формой владения**, на наш взгляд, и заключена главная причина существующего на сегодня искаженного представления о сущности института собственности в целом. По существу, именно личная собственность является той предельной и основополагающей границей, которая может быть обозначена между «своим», как моновладением, и «чужим», как всем тем, что находится за его пределами, в том числе и в форме частного владения.

Поскольку в отношениях собственности зона моновладения человека сводится не столько к владению материальными вещами, сколько к характеру отношений между людьми, обладающих этими вещами, то при всей полифонии пространства владения одной из ее характернейших особенностей является то, насколько эта собственность может быть или временной, или постоянной.

Благодаря именно фактору постоянства, зона собственности может и должна быть закреплена только за одним владельцем. И только осознание им этого типа владения в сово-

купности с надежной гарантией, обеспечивающей защиту подобного моновладения от любого вида посягательства со стороны социального окружения, делают его по-настоящему собственником. А сама собственность в этом случае приобретает характер **личной собственности**.

Однако неизменность объема и границ моновладения, то есть личной собственности, это скорее исключение, чем правило. Причиной тому могут быть обстоятельства как субъективного, так и объективного плана. В условиях господства субъект-объектной парадигмы, приращение зоны моновладения одними происходит, как правило, за счет открытой или завуалированной формы захвата, обмана или иного вида присвоения чужой (личной, общественной, частной) собственности.

Альтернативой подобной форме изменения зоны моновладения может быть совершенно иная, **субъект-субъектная** парадигма организации социальной деятельности. Ее суть состоит в том, что при этом к минимуму сводится возможность использования человека кем-либо другим: отдельным человеком, любым властно-адмистративным органом, или даже государством в целом в качестве объекта или средства при достижении ими своих личных или иного рода социумно значимых целей и интересов. Вопрос об изменении формы моновладения, в этом случае, может быть решен только в рамках договора (соглашения), основанного на паритетных началах взаимоотношения между всеми его участниками, независимо от того, представляет это лицо личного, частного, любого типа коллективного владельца, или выступает от имени всего государство в целом.

В этом случае собственность каждого из участников договора, достигнутого в процессе согласования, «*дается во временное пользование* другому, но с *определенной целью* (новая цель) – либо замены собственного усилия по достижению необходимого результата, либо для большей эффективности пользования, либо *для рассмотрения самого привлекаемого* как источника добавочного результата, *средства приобретения новой собственности*. В последнем случае личная собственность превращается в частную» (7, с. 83).

Таким образом, **частная собственность** отличается **от личной** не столько фактором моновладения, (если один, то частник, а если не один, то уже не частник), сколько **наличием условий**, благодаря которым собственность и оказывается в зоне чьего-либо владения, и не обязательно при этом именно только одного человека. Сам факт поступления собственности в распоряжение частника означает не что иное, как делегирование ему, как представителю (**части**) некого социального **целого** (государства или какого-то иного типа коллективного сообщества) официально закрепленного права на имеющуюся во владении этого целого собственности. Это право, в равной мере, может простираться или на всю данную собственность, или только на ее какую-то отдельную часть. Однако при этом само право владеть, распоряжаться или пользоваться ею, должно быть оговорено специально принятыми по этому поводу условиями.

Частная собственность, как «частичность», о чем наглядно свидетельствует появление и становление еще в античное время соответствующего (даже по названию этому процессу) института частной собственности, по своей природе уже изначально предполагает, с одной стороны, свою **производность от** любой формы **коллективного владения**, как обязательного исходного условия. А с другой – она может существовать только на время и в рамках тех **условий**, благодаря которым, собственно, и стало возможным ее появление. По истечению же срока действия этих условий, или в связи с самовольным прекращением частником выполнения этих требований, она должна вновь безоговорочно перейти из частной – в коллективную или личную форму владения, то есть вернуться в исходное состояние, предшествовавшее ее непосредственному появлению.

Необходимость четкого разграничения понятий **личной и частной форм собственности** объективно продиктовано рядом обстоятельств. Прежде всего, самозахват частником собственности, находящейся, по существу, в поливладении и перевод ее, по личной инициативе, из условного в безусловное моновладение, на практике означает не что иное, как проявление действия все той же, субъект-объектной парадигмы. Ведь в данном случае частнику

автоматически обеспечиваются более благоприятные условия для индивидуального существования, по сравнению с другими членами коллективного владения, и явно за их счет. А значит и в ущерб интересам всех ее остальных фактических владельцев.

Не эта ли неразбериха и путаница между личной и частной формами собственности, прежде всего на понятийном уровне, явилась причиной тех метаморфоз, которые пришлось претерпеть институту собственности по воле все тех же «социальных субъектов», стоящих у кормила власти в XX веке?

Первый раз это было связано с желанием большевиков как можно быстрее покончить с самым главным, по их мнению, виновником существовавшей социальной несправедливости – частной собственностью. При этом революционная практика опиралась на главную идею, которую Маркс и Энгельс выразили еще в «Манифесте Коммунистической партии»: «В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности» (8, с. 438). Но поскольку это положение стало программным для коммунистов, то те, кто взялся за коренное переустройство мира, с понятием «частной собственности» связывали все, что было «незаконно награблено». Поэтому уничтожение частной собственности, в их понимании, должно было сводиться к «экспроприации экспроприаторов». При этом никто и не считал особо нужным вникать в понимание самой сути отношений собственности вообще, и института частной собственности, в частности. Отсюда, как известно, появление и законодательно закрепленное в конституциях государств социалистического типа, например, в СССР, таких видов собственности, как государственная (общенародная), колхозно-кооперативная и личная. При этом введение понятия личная собственность было обусловлено не столько действительным осмыслением и пониманием подлинной сути и особенностей данной формы владения, сколько причинами идеологического и политического характера.

В очередной раз, но уже в конце XX века, необходимость радикальной смены института собственности молодыми суверенными государствами, появившимися на всем постсоциалистическом пространстве, была продиктована, опять-таки, не внутренне диктуемой логикой их экономического развития и критериями научной целесообразности, а причинами политического характера. При жесточайшем противоборстве, существовавшем между двумя политическими системами, альтернативой «социалистической плановой экономике» выступала система общественных отношений и институтов, имевшая многовековую историю, формировавшаяся и совершенствовавшаяся вместе с порядками, устанавливаемыми стихией «свободного рынка» – этого детища **субъект-объектной парадигмы**. Поэтому логически вполне объяснимо, что когда социалистическая система была вынуждена сойти с исторической арены, то перспектива построения нового типа государственности на образовавшемся постсоветском пространстве в сфере экономики могла определяться только лишь с ориентацией на идеологию подобного типа рынка.

Учет данного обстоятельства диктовался необходимостью вхождения вновь образовавшихся государств в мировое цивилизационное пространство, где именно частная собственность в этом, общепринятом еще с античных времен ее понимании, являлась священной и неприкосновенной. Именно в угоду этой социально доминирующей догме инициаторы социальных реформ на всем постсоветском пространстве главную свою задачу видели опять в уничтожении, но только теперь именно социалистической – общенародной, (как деперсонифицированной) и личной (в советском ее понимании) собственности, и в возрождении во всех сферах общественной жизни частнособственнических отношений. Что нашло соответствующее отражение в новых конституциях этих стран.

Именно подобный, частнособственнический характер отношений, по мнению авторов этих конституций, считался своего рода чуть ли не панацеей, которая должна была разом решить все накопившиеся на тот период времени социально-экономические проблемы. И даже простое провозглашение своей приверженности идеалам именно подобного типа отношений должно было, в их понимании, автоматически, благодаря коммерциализации и проявлению конкуренции, стимулировать предпринимательскую активность всего населе-

ния своих стран. Ведь в условиях индустриального и постиндустриального этапов общественного развития именно рынок как «поприще экономической свободы», всячески преподносился в качестве очевидного и единственно надежного критерия эффективности экономики. А вместе с этим – и государственного управления, руководствующегося данной идеологией, и соответствующего типа права.

Однако недавние события, связанные с разразившимся глобальным экономическим кризисом вполне убедительно продемонстрировали всю иллюзорность подобного представления. И причина здесь кроется не столько в каких-то конкретно по характеру, или не вовремя предпринятых отдельным государством или тем или иным их союзом мерах. **Все дело в той ущербности, что таит в себе вся субъект-объектная парадигма социальной самоорганизации** с ее ориентированностью на сохранение в любой социальной среде в самых различных модификациях как определяющего вида только одного типа отношения, это – отношения **господство-подчинение**.

Отсутствие четких представлений о путях и способах перехода от тотально-огосударствленной социалистической экономики к совершенно иной по своей природе экономической системе отношений обернулось необходимостью использовать для этих целей, как чужого опыта, так и прямых подсказок со стороны наиболее «продвинутых» в этом отношении стран. Так, например, в России, организация подобного типа мероприятий «проводилась быстро, без обсуждений и дискуссий и с беспрекословным выполнением приказов «сверху». Последние поступали в форме президентских указов, правительственных постановлений и распоряжений, инструкций Госкомитета по имуществу (ГКИ). Стоит отметить, что данный принцип был предложен западными консультантами, которым Всемирный банк выделил в 1992 г. 90 млн. долларов на «организационную поддержку российской приватизации» (9, с.10).

Сам по себе процесс разгосударствления в форме, так называемой ваучерной и денежной приватизации, осуществлявшийся в разных формах и с разной степенью интенсивности на всем постсоветском пространстве, в принципе, являлся вполне оправданным.

Во-первых, сама идея так называемой безвозмездной передачи общенародной собственности при помощи различного рода ПИКов, купонов, ваучеров и т.п., на деле предполагала **перемещение общенародной собственности** именно **в личную собственность** всех граждан бывших союзных республик. И внешне этот акт выглядел вполне логичным и справедливым. Ведь часть бывшего общенационального богатства, созданного не одним поколением советских людей, формально, на основе заслуг каждого, была поделена и роздана среди всех граждан страны. Правда, юридически все это преподносилось под эгидой превращения всех их **не в личников**, **а** именно **в частников**.

Во-вторых, даже в тех случаях, когда осуществлялась так называемая денежная приватизация, путем продажи, как акций предприятий, так и самих этих предприятий, их имущества (активов) и т.д. то и здесь вероятность **перехода** объектов бывшей **государственной собственности** именно в руки отдельных лиц, то есть, **в** их **личную собственность**, оставалась весьма большой. А если принять во внимание еще и то, что сам процесс данной формы разгосударствления осуществлялся в спешным порядком, без особого научно-теоретического и методологического обоснования, а самое главное, **без должного законодательно-правового обеспечения**, то все это, в конечном итоге, послужило одной из главных причин перевода основной части бывшей **общенародной собственности** в разряд все той же **личной** собственности. И теперь ее обладателями стал более ограниченный, своего рода «избранный» круг лиц. В его состав вошли представители бывшей властно-управленческой номенклатуры, наиболее оборотистые и предприимчивые люди, и даже откровенно уголовные элементы.

В результате сложилась довольно-таки парадоксальная ситуация. **Все молодые государства**, практически, при разгосударствлении и приватизации, пошли по пути получения, в лице своих граждан, как можно большего числа владельцев именно **личной собственности**. Это даже стало трактоваться как формирование для всех «равных стартовых возможностей».

Одновременно власть всячески старается создавать условия для активизации предпринимательской деятельности именно всех своих граждан, в том числе, очевидно, и владельцев **личной** собственности. Но, тем не менее, на деле **замечать** сам факт наличия личной собственности и **признавать** официально юридический **статус** владельцев этой формы собственности, похоже, никто так и **не собирается**. Иначе как можно объяснить то обстоятельство, что **все эти государства**, в **своих конституциях**, защищая право на собственность, признавая наличие разных ее видов и форм, среди них **о личной собственности даже и не упоминают**. Похоже, что все они, исключительно по идейным соображениям, в целях наглядной демонстрации о своем безоговорочном отречении от своего недавнего советского прошлого, особенно в сфере отношений собственности, опять пошли по пути только чисто терминологических нововведений.

Сначала большевики, в качестве упразднения частной собственности, провозгласили ее замену на личную собственность. Но делалось это большей частью только на уровне простой терминологии. Ведь, по сути, так называемая личная собственность в условиях социализма оставалась ни чем иным, как все той же **частной**, то есть **обусловленной** формой владения.

Ведь, с одной стороны, сам факт ее появления и существования зависел от ряда вполне конкретных условий, диктовавшихся ее владельцу со стороны наличного социального окружения. Ее использование, как известно, было возможным только в рамках ведения домашнего или личного подсобного хозяйства, с применением только личного труда самого работника или членов его семьи. Привлечение наемного труда было исключено. Объем и содержание личной собственности жестко регламентировались только возможностями, предоставляемыми размерами так называемых «трудовых доходов» и т.д.

А с другой стороны, соблюдение требований этих условий находилось под неустанным и пристальным контролем, как со стороны государства, так и со стороны самых широких слоев «общественности». А жизнь так называемого единоличника «не по средствам», то есть – «не как все» – являлась уголовно наказуемой.

Теперь же, на всем постсоветском пространстве сторонники **рыночных преобразований** в борьбе с социалистическими формами собственности, наоборот, **упразднили** опять **на словах**, **но не на деле**, так называемую «**личную**» собственность, заменив ее названием «**частная**» собственность. Похоже, что в этой, чисто терминологической путанице, не обошлось без стремления во всем походить на страны с рыночной экономикой, где понятие «частная собственность» просто священно. Не случайно, видимо, в большинстве конституций молодых государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, употребление таких понятий, как личное и частное используется по соображениям чисто филологического характера: главное, чтобы не было повторов.

Так, например, в статье 23 Конституции Российской Федерации записано: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и достойного имени» (10, с. 266). Статья 16 Конституции Кыргизской Республики гласит: «Каждый имеет право: на честь, свободу частной жизни, личную и семейную тайну» (там же, с. 200) и т.д. Поистине мир находится в каком-то **зомбированном** состоянии, навеянном чарами смысла понятия «частная» собственность, вполне адекватно отражавшего общественные отношения двух тысячелетней давности!

И вот сегодня, уже в начале III тысячелетия, совершенно в других социальных реалиях молодые, суверенные государства в своем стремлении создать гражданское общество и построить правовое государство на основе рыночных отношений, невольно оказываются заложниками все тех же смыслов экономических и правовых понятий, которые сформировались еще в канун I тысячелетия!

А ведь именно институт личной собственности, отражающий собой уже давно реально существующие экономические отношения, основанные на **личной** собственности, как во всем мире, так, собственно, и на всем постсоветском пространстве, независимо от того, признают его официально или нет, таит в себе, поистине неисчерпаемые возможности для про-

явления всевозможного рода социальных коллизий, наглядным примером чему может служить и сегодняшний экономический кризис.

Во-первых, именно процесс **личного** обогащения одних, за счет превращения различного рода обусловленной собственности, т.е. собственности, находящейся в государственном, коллективном или личном владении других людей, и им не принадлежащую, в их личную, как безусловную форму моновладения – вот одна из главных причин проявления действий, признаваемых одинаково во всем мире как общественноопасные. И не важно, связано это с проявлением либо открытого уголовного криминала, как, например, коррупционные преступления, либо с функционированием так называемой «теневой экономики», либо с наличием различного рода махинаций, направленных на утаивание личных доходов, либо с печатанием денег, не имеющих соответствующего товарного обеспечения и т.д. И это далеко не полный перечень преступлений в экономической сфере, которые непосредственно связаны с недопониманием той роли личной собственности, которую она играет в мотивации деятельности всех людей, начиная с рядового предпринимателя и заканчивая деятельностью руководителя самого высокого государственного уровня.

Во-вторых, путаница между личной и частной формами собственности, прежде всего на понятийном уровне, зачастую может стать причиной проявления своего рода коллизий на политическом уровне. Наглядным подтверждением чему может служить пример, связанный с построением небезызвестного социалистического общества.

В-третьих, сегодня много внимания, в том числе даже на законодательном уровне, уделяется развитию малого и среднего бизнеса, формированию в каждой из стран СНГ своего, национального, так называемого среднего класса. Думается, что здесь наряду с чисто экономическими показателями, такими как среднегодовая численность занятых, балансовая стоимость основных фондов и т.д., подспудно фигурирует, но нигде не обозначается такой параметр, как размер богатства, который различными, в том числе и нелегальными способами, может из разряда частной, превратиться в разряд личной собственности, т.е. принять форму **личного капитала**.

Не случайно, видимо, в современной Росси представители малого, да и части среднего бизнеса определяются на понятийном уровне как «**коммерческий пролетариат**», которому в основной массе уже сегодня, как и настоящему пролетариату, заказан путь в капиталисты. И причиной тому являются чисто экономические законы – очень богатыми в обществе могут быть только единицы. И именно этот узкий круг лиц, образовавшийся на всем постсоветском пространстве, и сумевший за столь короткий срок различными способами сколотить свои личные состояния, уже вполне открыто именуется олигархами.

Все это наглядно свидетельствует о том, что отношения, основанные не только на частной, но и на личной собственности, сегодня во всем мире – это объективная реальность. Вполне просматриваются и законы, по которым функционируют подобного рода отношения. На этой основе, вполне можно утверждать, что уже существует и определенная институциональная база, которая только требует ее официального признания и соответствующего законодательно-правового закрепления.

Вместе с выявлением сущности личной и частной собственности особое внимание следует уделить детальной проработке понятий, отражающих сущность и других форм собственности, в частности, такого ее вида, как государственная собственность. В контексте новой, субъект-субъектной парадигмы эта форма собственности выступает не столько альтернативой личной собственности, сколько тем оптимумом, который обеспечивает самодостаточное существование любой страны как социальной целостности, высшими ценностями которой, не только на словах, но и на деле, «являются человек, его жизнь, права и свободы».

В этой связи, в основу формирования государственной собственности может быть положен принцип, исключающий возможность полного или допускающий лишь частичное (не боле 49%) отчуждение собственности, которая может находиться только в ведении государства. В ее состав, кроме уже зафиксированных в конституциях разных стран земли, ее недр, воды, растительного и животного мира, других природных ресурсов, и т.д., следует вклю-

чить и объекты хозяйственного, оборонного и иного назначения. Главное предназначение этого вида собственности – служить обеспечению стране целостного, самодостаточного, безопасного и независимого существования. Именно наличие данного вида собственности и **неотчуждаемость** его, ни под каким предлогом, позволит стране избежать ситуаций, в которых оно могло бы оказаться в полной или частичной зависимости от любого вида личного, корпоративного или иного, сугубо социумного влияния. **Надо менять субъект-объектную парадигму социальной самоорганизации общества на совсем иную**. Когда социальное меньшинство будет лишено самой возможности держать остальное социальное окружение в качестве средства (объект) при достижении любого рода своих личных, или корпоративных интересов.

Несомненно, уточнение состава этого вида собственности потребует определенной, научно-обоснованной проработки. Это обусловлено тем, что необходимо четко зафиксировать своеобразную «неотчуждаемую зону», которая действительно может находиться только в зоне общенародного моновладения. И чтобы эта зона была надежно защищено от любого вида личного, частного или социумного посягательства. Данная неотчуждаемая зона нужна не в целях создания в очередной раз «бесхозной» собственности: народное – значит ничье. Она необходима для практической реализации конституционного требования о том, что «пользование ею должно одновременно служить общественному благу» (11, с. 55).

В случае же передачи части государственной собственности именно в частное владение, определяющим должен являться принцип, исключающий возможность ее перехода, безусловно и исключительно только в личную собственность отдельного человека или определенного, ограниченного круга лиц. Для этого необходимо, чтобы любой ее подобный переход предварял бы ряд вполне четких и конкретных условий: сроки, характер владения, состав владельцем, круг конкретных обязательств последних и т.п. Отсутствие или невыполнение новым владельцем требований подобного рода условий должно служить определяющим критерием, предотвращающим саму возможность перехода государственной собственности в любой иной вид владения ею. Все это необходимо чтобы, с одной стороны, данный вид собственности ни по чьей воле: ни госчиновника, ни частника не мог бы быть лишен статуса государственного. А с другой, сам процесс ее использования не шел бы вразрез с интересами, как рядовых граждан страны, так и всего государства в целом.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Дальнейшее игнорирование, особенно на территории всего постсоветского пространства, различия в понимании сущности таких важнейших базовых форм института собственности, какими являются личная, как безусловная, и частная, как условная, формы владения неминуемо ведет к тому, что:

– сфера экономики все больше становится ареной безраздельного господства принципов, всячески способствующих безудержному процессу **личного** обогащения одних, за счет изобретения всевозможного рода технологий по переводу различных видов обусловленной собственности, а значит фактически им не принадлежащую, в их личную, как безусловную форму моновладения. И такой факт, как обилие существующих на сегодня в этих государствах вариантов налоговых кодексов, и ужесточение репрессивных мер к нарушителям их требований, и посему направленных, якобы, на обуздание этого процесса в целом, представляет собой наглядный пример того, что они еще очень далеки от контроля над ним. А все попытки создания так называемой социально ориентированной экономики и формирования якобы социально ориентированного бизнеса в большинстве своем можно отнести, скорее всего, к разряду только благих пожеланий;

– сфера права, официально признающая незыблемость именно частной собственности, и беря под свою защиту интересы частника, на самом деле стоит на страже интересов, в первую очередь владельцев именно личной собственности. Что, в конечном итоге придает самому праву псевдо и даже антиправовой характер;

– сфера политики, по своей сути является ареной открытого, а в большей мере и закулисного лоббирования интересов в первую очередь личных интересов именно так называемой субъектоподобной (экономической, властно-политической и других видов) элиты. Од-

нако, под угрозой со стороны недовольства другой, основной массы населения этих стран, сегодня она вынуждена, во многих случаях, идти на компромисс, с целью примирения все более усиливающегося несовпадения этих интересов. А сохранение путаницы в этих видах собственности на понятийном уровне позволяет власти оставлять за собой право всегда обуздать любого частника за счет именно обусловленного характера данного вида собственности. Ведь права конкретного человека всегда можно ограничить за счет небольшого условия, «кроме случаев, специально оговоренных законом». А это значит, что признание со стороны любого государства действительно личной собственности, как безусловной формы моновладения, на практике означает выход общества на уровень доминирования принципов совсем иной – субъек-субъектной парадигмы социальной самоорганизации. Означающей уже даже на первых порах признание приоритета интересов человека, пусть пока не везде и не всегда, но, все же, перед любым другим их видом: государственным, коллективным или общества в целом. Что и соответствует духу формирования гражданского общества, существующего на условиях доминирования принципов рыночных отношений и правового государства.

В этой связи, на всем постсоветском пространстве при построении нового, действительно гражданского общества и правового государства необходимо много сделать в сфере переосмысления и понимания сути, как института собственности, так и его конституционно-правового оформления. По нашему мнению, можно утверждать, что от отношения в обществе к институту частной собственности полностью зависит сущность и содержание всей институционально-правовой архитектуры общества, которая может либо способствовать, либо тормозить развитие всего общества.

Литература:

Антология мировой философии. В 4-х т. – М.:Мысль, 1969. – Т.1, ч.1. – 576 с.
Анисимов О.С. Методология и цивилизационное самоопределение в XXI веке. – М., 2008. – 294 с.
Анисимов О.С. Введение в политологию (Критериальное обеспечение построения демократического общества). – М., 1991. – 96 с.
Братусь Д. Право собственности: от общего к частному // Юрист, 2005. – № 3. – С. 84-93.
Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 4. – С. 419-459.
Назарбаев Н.А. Ключи от кризиса // Российская газета, 2 февраля 2009 года.
Никовская Л.И, Степанов Е.И. Экономика как предмет для политики (конфликтологический подход) // Экономика и политика в переходном обществе: кризис взаимодействия. – М., 2000. – С. 5-19.
Пайпс Р. Свобода и собственность. – М.: Московская Школа Политических исследований, 2000. – 415 с.
Конституции стран СНГ / Сост. Ю. Булуктаев. – Алматы: Жеті жаргы, 1999. – 416 с.
Конституция Республики Казахстан. – Алматы: Жетті Жарғы, 1988. – 100 с.